

НА НАШИХ ГЛАЗАХ происходит изменение политической структуры мира: от однопolarityности, возникшей после конца СССР, к многополярности. Этот фазовый переход ещё не завершён, но мы явно находимся внутри него: однопolarityность совершенно очевидно разлагается, а за ддящимися обвалом американской гегемонии всё отчётливее проступают черты нового, многополярного миропорядка.

Важнейшим моментом в этом процессе стало восстановление Россией при Путине своего суверенитета, что выразилось в укреплении центральной власти в самой РФ, а также в активизации позиции России на постсоветском пространстве (особенно — воссоединение с Крымом, весна 2014 года) и за его пределами (введение войск в Сирию, осень 2015 года). Другим фактором развёртывания многополярности стал впечатляющий рост китайской экономики, вышедшей по ряду параметров на второе, а в некоторых случаях — на первое место в мире. Заявление России и Китая о своём реальном, геополитическом и стратегически обоснованном суверенитете вызвало сильную реакцию со стороны Запада, что выразилось в антироссийских санкциях и в торговой войне США с Китаем. Но такая реакция не оказала решающего разрушительного влияния на китайскую экономическую и политическую систему. Впрочем, то же самое можно сказать об эпидемии COVID-19.

Но ответ на вопрос: "быть или не быть" многополярному миру? — зависит от того, смогут ли Россия и Китай действовать сообща в основных принципиальных вопросах внешней политики. Например, в

Вместе с тем, теория Тянься провозглашает сбалансированный инклюзивный порядок, основанный не столько на силовой доминации, сколько на этическом превосходстве и культурной привлекательности. Важнейшим элементом китайского могущества является культура, этика, иероглифическая письменность, конфуцианская философия...

В китайской политической науке есть два важных термина: "ван дао" и "ба дао". Первое означает управление, основанное на духовном, моральном и культурном авторитете. Здесь огромную роль играет этика. В этом и состоял смысл "Поднебесной": Китай не столько захватывал, покорял и подчинял себе соседние народы, сколько привлекал их своим примером, своим стилем, своей цивилизацией, "втягивал" их в себя. "Ба дао" — это жёсткое силовое давление, гегемония. Конечно, исторически Китай использовал оба этих способа, но сущность конфуцианской этики выражена в принципе "ван дао".

Это вполне созвучно и России/Евразии. Русские тоже строили свою Империю не столько силой, но, в первую очередь, дружбой, открытостью, привлекая народы своим духом и своей культурой. Это не только исторический факт, но и проект будущего. Следует положить в основу многополярного мира цивилизацию именно как "ван дао", то есть нечто инклюзивное, бережно учитывающее идентичность другого. Это значит, что мы не стремимся сделать других такими же, как мы, что мы принимаем их такими, кто они есть, и ценим их именно в этом качестве. Только так можно стать "Империей Срединны".

В этом случае Россия и Китай смогли бы создать стратегическое партнёрство, осознав себя главными носителями многополярного мира, противостоящего однопolarityному (в основе которого лежит геополитическая доминация атлантизма). Так Китай перестанет быть "береговой зоной" и превратится в самостоятельный "Хартленд" — китайский.

Отсюда вытекает императив построения *единого континентального пространства*, к которому примкнут другие страны: как находящиеся в орбите влияния КНР и РФ, так и полностью самостоятельные. В результате мы подходим к проекту Большой Евразии, о котором говорил президент России Владимир Путин. Прообразом такого проекта является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). При этом естественный вектор расширения — дальнейшее развитие сотрудничества с Индией, с Японией (которые пока уклоняются и от евразийской интеграции, и от проекта "Один пояс, один путь") и с исламскими странами, ряд которых открыт для Большой Евразии, с удовольствием поддерживая курс на многополярность (таковы Иран, Турция, Пакистан и ряд арабских государств).

Теория распределённого "Хартленда" позволяет переосмыслить многие моменты в самом положении России. Сегодня Россия слишком слаба, чтобы диктовать свою волю другим крупным игрокам. Демографически Индия и Китай намного сильнее, Китай многократно превосходит Россию и в сфере экономики, а активность социально-религиозного фактора исламского мира намного интенсивнее, чем православного. В этой ситуации российский ге-

Александр Дугин

О российско-китайском стратегическом союзе

совмещении проектов "Один пояс, один путь" и евразийской стратегии России, о чём Путин открыто сказал на заседании Валдайского клуба, посвящённом развороту России на Восток. Конечно, многополярность не исчерпывается Китаем и Россией, полюсов должно быть явно больше, чем три (включая Запад), но момент необратимости наступит тогда, когда их будет хотя бы три.

Китай и Россия по отдельности всё же уступают США, то вместе они уже сейчас представляют для Рак Америки серьёзную и основательную альтернативу. Могущество Китая опирается на широкую экономическую интеграцию Азии вдоль сухопутных и морских путей (проект "Один пояс, один путь"), и оно уже доказало свою состоятельность в ходе торговой войны, развязанной США. А успехи России в области вооружений и эффективные стратегические операции на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке показали, что в мире возник военно-политический полюс, способный, при определённых обстоятельствах, уравновесить или сорвать любую масштабную агрессию Запада.

ПОЛЮСА: 4+

Именно в контексте теории многополярного мира и следует интерпретировать роль и место современного Китая. Если принять за основу то, что многополярный мир уже существует, то мы видим в нём три готовых полюса — три больших цивилизационных пространства.

Североамериканский полюс. В данном случае, при переходе от однопolarityного мира к многополярному, вопрос сводится к тому, чтобы глобальную гегемонию перевести в гегемонию локальную. Тезис Трампа "Сделать Америку снова великой" означает оставить всех в покое и заняться собой.

Евразийский (российский) полюс. Россия рассматривается здесь не как страна, а как цивилизация, а евразийская интеграция предполагает вовлечение других государств в большое пространство. Сегодня это и происходит. С Путиным Россия переходит в состояние цивилизационного полюса, как православная цивилизация с традиционными ценностями, суверенитетом, интегрирующая другие страны.

Китайский полюс. Можно утверждать, что он в настоящее время уже вполне оформился. Китай представляет собой вторую экономику мира, со своей зоной гегемонии, с суверенитетом и идентичностью, идеей и могуществом. Все признаки полюса у Китая уже есть.

Евросоюз. Он ближе всего подошёл к статусу ещё одного полюса и имеет все шансы на то, чтобы стать четвёртым полюсом многополярного мира. В таком случае, цивилизационная граница Европы должна проходить по Атлантике, а сама Европа должна получить не только экономическую и финансовую автономию, но и создать собственную европейскую армию, что неоднократно было заявлено Макроном и Меркель.

На очереди и другие потенциальные полюса. Если многополярность будет зафиксирована, а американское господство будет помещено в рамки своего региона, появляется шанс для других цивилизаций. Самым вероятным претендентом становится резко нарастающая своё могущество Индия, которая при Моди всё больше подчёркивает свою цивилизационную самостоятельность. На своём особом и резко отличающемся от западного мировоззренческом настаивает исламский мир, где ясно определились несколько возможных лидеров: Иран, Турция и Саудовская Аравия, — которые претендуют на то, чтобы стать центрами исламской геополитики. В перспективе можно предположить континентальную интеграцию Латинской Америки и Африканского континента.

Многополярность строится не только на утверждении геополитических полюсов, но и на отставлении системы ценностей, отличных от тех, которые либеральный Запад пытается навязать всему в качестве универсальных. Так оппозиция между однопolarityностью и многополярностью переходит на новый мировоззренческий уровень.

Однополярный мир строится на принципе универсальности западной цивилизации как единого образца для всего остального человечества. Либерально-капиталистический комплекс идей возводится в абсолют, не допуская возражений. Многополярность, напротив, признаёт, допускает и даже позитивно оценивает различия, не отрицая Запад, но и не признавая его претензий на то, чтобы являться мерой всех вещей и единственным источником нормативов.

Россия, как и Китай, в древности называлась "Поднебесной". Это соответствует китайскому термину "Тянься" и соответствующей ему теории о том, что Китай занимает именно "срединное" положение в мире.

В евразийской оптике Россия не является частью Запада ни исторически, ни идеологически (религия, консервативное общество и пр.), она представляет собой особую и самостоятельную цивилизацию: со своими ценностями, традициями, со своей идентичностью и своей судьбой. Именно это со всей прямотой постоянно фиксирует президент России Владимир Путин.

Любопытно, что у России и Китая был период, когда они являлись частями одного государства — в Китае это называется эпохой династии Юань, у нас — владычеством Золотой Орды. Это государство не было ни славянским, ни азиатским. Оно было *туркским*. Туран — это самостоятельный концепт, географически соответствующий территории северо-восточной Евразии, где традиционно доминировали кочевые цивилизации: вначале — индоевропейские, затем — алтайские. Современная Россия является прямым наследником Турана.

Китай также, в свою очередь, не только страна, но и цивилизация. На этом и строится теория Тянься, в оптике которой Китай мыслится как центр цивилизационного поля для многих соседних государств.

"ЛОВУШКА ФУКИДИДА"

Авторство этого термина принадлежит американскому эксперту-политологу Грэмму Эллисону. Смысл заключается в том, что когда рост каковой-то державы становится слишком стремительным, война с ней того, кто ранее был гегемоном, оказывается неизбежной. Такую ситуацию впервые описал древнегреческий историк Фукидид, касаясь соперничества Афин и Спарты.

Эллисон имел в виду прежде всего нарастающий конфликт между Китаем и США, но в полной мере это относится также и к России. Китай бросает вызов "однопolarityному миру" Рак Америки в сфере экономики, Россия — в сфере военной стратегии и природных ресурсов. Таким образом, Запад сегодня оказывает давление на Россию именно потому, что она претендует на статус полюса и тем самым объективно — хотя даже, возможно, не желая этого, — бросает вызов глобальной гегемонии, заставляя слабеть объём и режим американского контроля. За что и объявляется "врагом" всего мира вообще и западного "открытого общества" в частности. Во всех стратегических документах США содержится пункт о том, что нельзя допускать возникновения на территории Евразии государства с собственным суверенитетом, способным ограничить американские интересы. Это и есть основа трений между Россией и Западом, который лишь прикрывается тем или иным предлогом. Запад не может допустить полноты геополитического суверенитета России и поэтому фактически ведёт против неё войну.

То же самое справедливо и в отношении Китая. Китай виноват лишь в том, что достиг в своём росте впечатляющих результатов, используя открывшиеся в рамках глобализации возможности. Тем самым Китай нарушил правила глобализации: интеграция в мировую экономику должна оплачиваться отказом от политического суверенитета, то есть от статуса самобытной и независимой цивилизации. Это объясняет его торговую войну с США.

Итак, ловушка Фукидида налицо. Но кто будет её жертвой? Россия и Китай? Или сам Запад?

Здесь практически всё зависит от того, удастся ли сделать прочным и нерушимым китайско-российский альянс. Если удастся, то российская военно-стратегическая мощь в сочетании с китайской экономикой будут способны дать отпор любым попыткам прямого силового давления, и тем самым свести к минимуму риск начала Третьей мировой войны. Но Запад ещё способен нанести России и Китаю по отдельности серьёзный ущерб, предотвратив окончательное становление этих стран в качестве полюсов многополярного миропорядка.

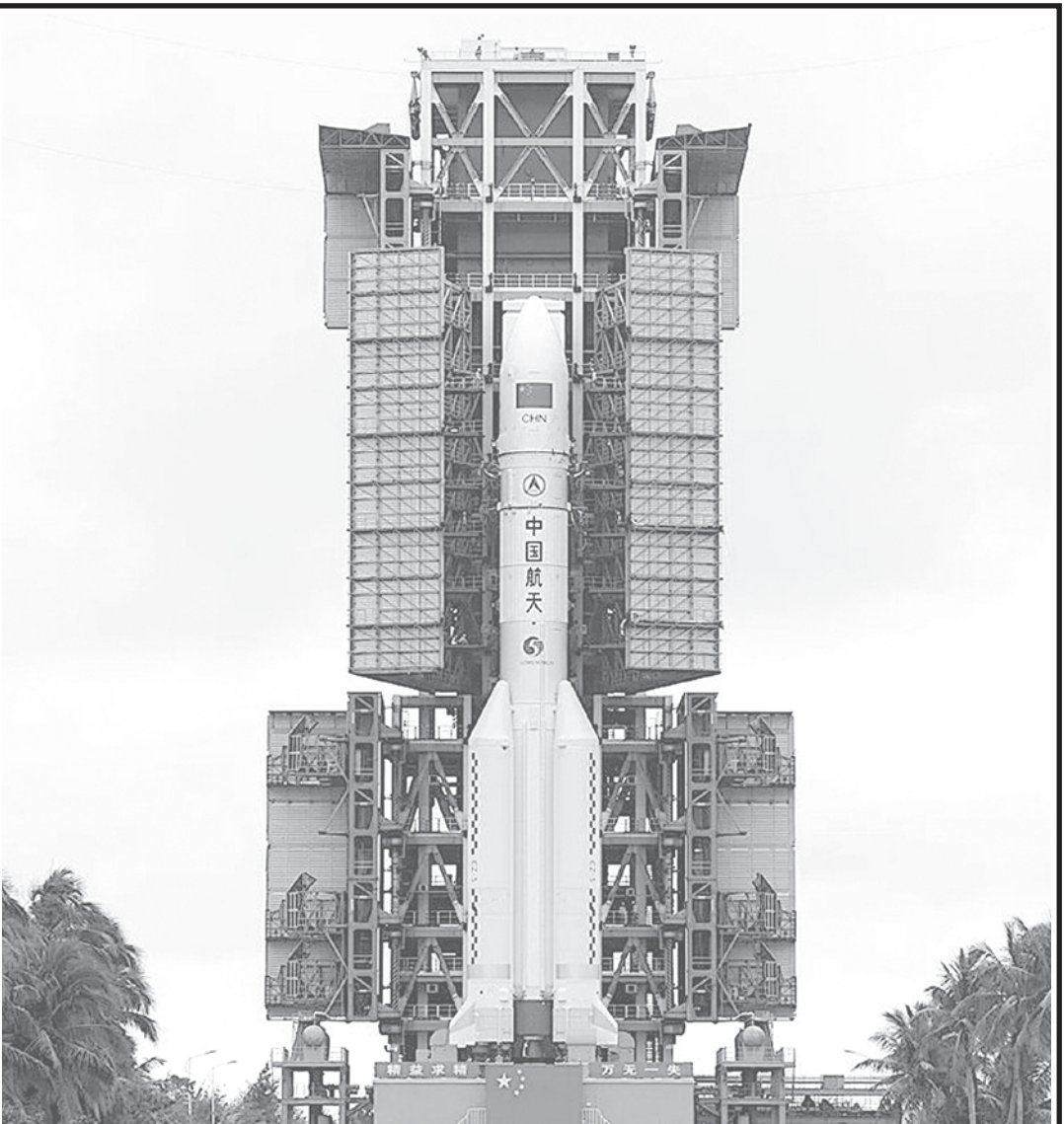
США после Сталина хотели разыграть китайскую карту против СССР. В терминах геополитики это была классическая битва Морского могущества (Sea Power) против сухопутного (Land Power) за контроль над береговой зоной Евразии — битва за Rimland. Тогда Запад, следуя планам Трёхсторонней комиссии, оказал определённую поддержку реформам в КНР, поставив условие: если китайцы примут капиталистическую форму производства, они станут полноправной частью западного мира (как Япония после войны), в то время как Россия будет изолирована. Но Китай не стал пешкой в чужой игре, а воспользовавшись глобализацией в своих интересах. В этом ему помог не просто гений Дэн Сяопина, но сама китайская культура, гибкая и инклюзивная. Китай вступил в глобальную экономику, согласившись с её правилами, но не отказался от политического суверенитета, не уступил давлению "цветной революции", культурной которой были события на площади Тяньаньмэнь. Тем самым Китай установил границы, за которые китайская перестройка заходить не имела права.

Горбачёв в СССР поступил иначе, демонтировав власть КПСС — единственного политического института, который обеспечивал к концу 1980-х единство страны. В ходе "перестройки" СССР утратил свой суверенитет, свою идентичность, а затем рухнул и собственно государство.

Сегодня Китай готовится к тому, чтобы выдержать любой уровень конфронтации с США и его союзниками. По сути, сегодня полным ходом идёт строительство Великого Китая, Тянься. В этом и состоит смысл "ловушки Фукидида": в неё попадают те, кто становится слишком успешным и сильным. Но и здесь возможен выход, с опорой на стратегию Суньцзы: если государство не может рассчитывать на успех в прямой конфронтации со своими соперниками, стремящимися остановить рост его могущества, — необходимо заключить правильный союз. Поскольку Китай становится всё более открытым оппонентом Запада, а давление Запада на Россию также только возрастает, в рамках теории многополярности совершенно очевидно, с кем Китаю можно и нужно заключать такой союз, — с Россией.

АЛЬЯНС РОССИИ И КИТАЯ

На уровне геополитики такой союз может строиться на принципе "распределённого Хартленда". Классическая геополитика рассматривала глобальный баланс сил как противостояние континентальной Евразии (Land Power), представленной Россией, и атлантизма (Sea Power), представленного современным Западом, прежде всего — США. Но при переходе к многополярности Россия не может в одиночку эффективно противостоять Западу — это не удалось даже СССР. Следовательно, для сохранения своего геополитического суверенитета, России жизненно необходимо распределить "Хартленд", делегировав свою миссию другим потенциальным или реальным полюсам. Наиболее насущным и важным является распределение "Хартленда" в пользу Китая.

Декабрь 2019 года. Ракета-носитель Long March-5 Y3 вертикально транспортируется на стартовую площадку космодрома Вэнчан в Южно-Китайской провинции Хайнань

гегемонии быть не может. Но это допустимо рассмотреть и как положительный фактор. Если Россия не может объективно претендовать на полную доминацию (что всё ещё могут США, если сравнить их потенциал с отдельно взятыми странами потенциального многополярного клуба), это делает распределение "Хартленда" реальным и необратимым. Россия не может вернуться к двупolarityности, а следовательно, именно многополярность становится её судьбой. Россия слишком слаба, чтобы навязать свою волю соседям и в одиночку противостоять Западу, но она всё ещё достаточно сильна, чтобы помочь союзникам в сохранении их стратегического суверенитета, а тем самым надёжно защитить и свою цивилизацию. Поэтому союз с Россией в контексте Большой Евразии не представляет для тех, кто его выберет, никакой опасности. Прежде всего, это касается именно Китая.

Ничто не мешает Китаю и России заключить такой *стратегический союз*.

Сегодня две эти цивилизации, два этих народа, две эти страны — явно не враги. У них нет пересекающихся интересов, они не претендуют на территории друг друга. У России главным козырем является военное могущество и ресурсы, у Китая — экономика. У нас нет спорных моментов — мы, скорее, гармонично дополняем друг друга.

Но, чтобы стратегический китайско-русский союз стал надёжным, мы должны учитывать следующее.

Ни Россия, ни Китай не способны быть полноценным вторым полюсом в нынешних условиях. Поэтому следует быть крайне бдительными. Поэтому следует быть крайне бдительными и изнутри наших стран пытаются столкнуть нас друг с другом, обещая усиление одного за счёт другого или пугая соответствующими угрозами. Россия и Китай должны действовать вместе с полным признанием прав друг друга как полюса многополярного мира, как самостоятельной цивилизации. При этом мы должны ориентироваться на создание многополярной модели 4+, то есть способствовать другим потенциальным полюсам стать сильными и независимыми (в том числе — и от нас самих).

Предельно важно сегодня уйти от закорючавности нашего сознания западными либеральными моделями. Это дань колонизации препятствует ограниченному развитию и становлению реальной многополярности мира. Нам необходима многополярная философия, многополярная этика, многополярная культура, бережно включающие в себя всё многообразие человеческих обществ, у каждого из которого есть своя мечта. Так, следует вводить в теорию международных отношений традиции разных народов и цивилизаций. И для этого важно использовать в международном общибе не только западные (прежде всего английские) термины и концепты, но китайские, русские, индийские, исламские и т.д. Чем больше мы используем наши термины, тем более многополярными становятся международные отношения. Таким образом, многополярность — это ещё и эпистемологическая проблема, проблема структурирования знаний. Представление о строительстве многополярного мира должно быть искусством, результатом теоретического и эпистемологического усилия.

Но сегодня реализация подобного сценария полностью зависит от России и Китая. Если им удастся превратить своё сближение в нечто большее, нежели ситуативный альянс, то право на достойное будущее, на возможность осуществить свою мечту будет реализовано не только для китайцев и русских, но и для всего человечества.

Владимир ОВЧИНСКИЙ РЕБУС РУБИНИ

Не важно, какого цвета ваши лебеди...

НА ФОНЕ путаных, мутных и просто неадекватных выступлений большинства американских и европейских участников Мюнхенской международной конференции по безопасности "светом в окне" выглядят статья известного американского экономиста Нуриэля Рубини "Белые лебеди 2020 года", опубликованная 17 февраля сайтом Project Syndicate.

Рубини был одним из немногих экономистов, который предсказал кризис 2008 года, связав его с ипотечным рынком. Теперь он пошёл дальше и построил в указанной статье целый ребус из рисков — весьма предсказуемых и ожидаемых, в отличие от "чёрных лебедей" Нассима Талеба, названных им "белыми лебедями", — которые, по его мнению, могут в 2020 году вызвать каскад экономических, финансовых, политических и геополитических потрясений. С его мнением можно соглашаться или не соглашаться, но, во всяком случае, они дают достаточно богатую пищу для размышлений. Рассмотрим некоторые позиции статьи.

Первое. Рубини начинает с того, что США вступили в обостряющееся стратегическое соперничество, по крайней мере, с четырьмя странами: Китаем, Россией, Ираном и Северной Кореей. Все эти страны — "ревизионистские", то есть они заинтересованы бросить вызов миро-

дала новый импульс более широкому тренду китайско-американского "разрыва".

Рубини полагает, что перебои в китайской экономике окажут побочное влияние на глобальные производственные цепочки (в том числе — фармацевтические, в которых Китай является критически важным поставщиком), а также на деловую уверенность. И это, скорее всего, будет намного сильнее, чем можно предположить, глядя на нынешнюю самоуспокоенность финансовых рынков.

А теперь — самое любопытное в рассуждениях Рубини. По его мнению, китайско-американская холодная война по определению является конфликтом низкой интенсивности, однако в этом году вероятна его резкая эскалация. И здесь Рубини удивляет многих: "Некоторые китайские лидеры не считают простым совпадением то, что в их стране одновременно произошла массовая вспышка свиного гриппа и острого птичьего гриппа, началась эпидемия коронавируса, Гонконг охватили политические беспорядки, на Тайване был переизбран президент, выступающий за независимость, а США активизировали военно-морские операции в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. И не важно, что Китаю стоит вникать лишь себя в некоторых из этих кризисов, в Пекине мнение склоняется в сторону конспирологии".

Иными словами, Рубини не исключает возможного использования биологического оружия против Китая со стороны неких сил, связанных с США. При этом он полагает, что в данный момент открытая агрессия не является реальным вариантом, учитывая асимметрию в потенциале традиционных вооружений. Немедленный ответ Китая на американскую политику сдерживания, по его мнению, может принять форму кибервойны. Рубини пишет: "Имеется несколько совершенно очевидных целей. Китайские хакеры (а также их российские, северокорейские и иранские коллеги) могут вмешаться в американские выборы, обрушив на американцев море дезинформации и "глубоких фейков". Поскольку американский электорат и так уже сильно поляризован, не трудно представить себе вооружённых сторонников той или иной партии, которые выходят на улицы, чтобы опровергнуть результаты выборов. Это может привести к серьёзному насилию и хаосу".

Четыре указанные державы, считает Рубини, могут также атаковать американскую и западную финансовые системы, в том числе — платформу "Общества всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций" (SWIFT). Президент Европейского центрального банка и экс-глава МВФ Кристин Лагард уже выступила с предупреждением, что ущерб от кибератаки на европейские финансовые рынки может составить до 600 млрд. евро. Представители спецслужб выражают аналогичную озабоченность и по поводу США, где спектр потенциально уязвимой телекоммуникационной инфраструктуры даже шире.

Что может иметь самые негативные последствия для США, так это, по мысли Рубини, то, что Китай может также применить финансовую "ядерную бомбу": сбросить принадлежащие ему облигации казначейства США, если эскалация действительно начнётся. Американские активы составляют настолько большую долю в китайских (и, в меньшей степени, в российских) валютных резервах, что китайцы начинают всё больше тревожиться из-за того, что эти активы могут быть заморожены в рамках американских санкций (подобных санкциям, которые уже введены против Ирана и Северной Кореи).

Сброс казначейских облигаций США, считает Рубини, затормозит экономический рост в Китае в случае, если долларовые активы будут проданы и конвертированы обратно в юань (в этом случае китайская валюта укрепится). Но у Китая есть возможность диверсифицировать валютные резервы, конвертировав их в другие ликвидные активы, менее уязвимые для первичных и вторичных санкций США. Речь идёт о золоте. И Китай, и Россия уже занялись (тайно и явно) накоплением запасов этого металла, что и объясняет резкий рост цены на золото на 30% с начала 2019 года.

Рубини, принимая возможность проведения биологических атак против Китая, почему-то не рассматривает "зеркальный" вариант, когда Китай применяет биологическое оружие против Америки! В этом случае у США действительно могут возникнуть проблемы — не меньше, а, по всей видимости, даже больше, чем у Китая.

По-первых, американцы не обладают таким мобилизационным потенциалом как китайцы, чтобы в считанные дни закупорить на карантин десятки миллионов человек, организовать их снабжение продовольствием, медикаментами, организовать профилактические мероприятия и массовое лечение. Вспомним, какой хаос наблюдался в США сразу после урагана "Катрина" 2005 года, когда людей долго не эвакуировали, не обеспечивали питанием, медикаментами. 60% жителей США при опросе общественного мнения тогда с пессимизмом оценили способности американских властей противостоять природным бедствиям.

Во-вторых, после эпидемии Эболы администрация Обамы в 2014 году создала в рамках Совета национальной безопасности при Белом доме специальный директорат по вопросам глобальной безопасности в сфере здравоохранения и биологических угроз. Кроме того, была создана система координации международных, национальных, региональных и местных организаций (государственных и частных) для противодействия глобальным эпидемиям под прямым руководством президента США. В 2019 году Трамп ослабил или аннулировал все эти меры подготовки, сократил финансирование программ Центров по контролю и профилактике в США, осуществляющих помощь другим странам при эпидемиях.

"Запад побеждает" — так назывался доклад Помпео на Мюнхенской конференции по безопасности 2020 года. В нём глава американского дипломатического ведомства подчеркнул, что "свободные государства просто более успешны, чем любая иная модель, апробированная в истории цивилизации". Пусть это заявление останется на его совести. У нас, как говорится в докладе — "такое не прокатывает". И выход Китая из беды это доказывает.

Таким образом, Рубини констатирует, что на начало 2020 года проявились риски, которые могут вызвать каскад различного рода кризисов: — между США и Ираном произошла военная конфронтация, которая, скорее всего, вскоре обострится; — Китай охватила вспышка вируса, которая может превратиться в мировую пандемию; — идёт глобальная кибервойна; — крупнейшие держатели казначейских облигаций США проводят стратегию диверсификации; президентские праймеризы Демократической партии обнаружили разногласия в рядах оппозиции Трампу, а также поставили под сомнение процедуру внутрипартийного подчёта голосов; — нарастает соперничество между США и четырьмя странами: Китаем, Россией, Ираном и Северной Кореей; — реальные убытки от изменения климата и других природных тенденций быстро увеличиваются.

Эти кризисы могут породить самые негативные последствия в разных сферах.

Вывод: повышенная мобилизационная готовность — вот главный рецепт выживания России в этом каскаде рисков.